

ПОРУГАНИЕ ЛУКРЕЦИИ

Томас Хейвуд

Перевод В. А. Ковалева

Dramatis Personae¹

Сервий Туллий, римский царь.

Тарквиний Гордый.

Аррунт²

Секст — сыновья Тарквиния.

Юний Брут³.

Коллатин.

Гораций Коклес.

Муций Сцевола.

Лукреций.

Валерий.

Попликола⁴.

---

¹ Список приведен по изданию Хейвуда и не соответствует действительности. Так, упомянутый Попликола ни разу не появляется в ходе пьесы. Не упомянуты две служанки Лукреции и Оракул.

² Что примечательно, у Тита Ливия Аррунт назван братом Тарквиния (Тит Ливий. История Рима. I, 42 (1) и I, 46 (4)), сыном Тарквиния (Тит Ливий. История Рима. II, 6 (6)) и сыном Порсенны (Тит Ливий. История Рима. II, 14 (5)). Сыном Тарквиния также называет Аррунта Дионисий Галикарнасский (Дионисий Галикарнасский. Римские Древности. V, 15). Оба этих автора, как будет показано в дальнейшем, послужили источниками для Хейвуда. Текст Тита Ливия был хорошо известен в эпоху Ренессанса, особенно после исследований Лоренцо Валлы и Николо Макиавелли. Дионисий Галикарнасский был известен хуже, однако в конце XV века был выполнен его перевод на латынь по приказу папы Павла II, а сам оригинальный греческий текст был опубликован в 1546 г. в Париже. Томас Хейвуд, человек блестящей гуманистической образованности, внучатый племянник драматурга середины XVI века Джона Хейвуда и родственник Томаса Мора, свободно владел греческим, и мог читать труды Дионисия Галикарнасского в оригинале.

³ В издании обозначен как Junior вместо Junius.

⁴ Как уже говорилось выше, этот персонаж упомянут, но ни разу не появляется на сцене. Складывается впечатление, что Хейвуд перепутал, приняв за отдельного персонажа прозвище Публия Валерия — Попликола, данное ему за то, что его законы были угодны

Порсенна, царь этрусков.
Секретарь Порсенны.
Жрец Аполлона.
2 Стражника.
Сенаторы⁵.
Слуга⁶.
Клоун.
Лукреция, жена Коллатина⁷.
Туллия, жена Тарквиния.
Мирабелла, служанка Лукреции.

народу (Дионисий Галикарнасский. Римские Древности. V, 19). Показательно, что Ливий передает это прозвище как Публикола (Тит Ливий. История Рима. II, 8 (1)). Разобравшись в своей ошибке, автор, скорее всего, просто забыл исключить этого персонажа из списка ролей.

⁵ Хотя эта роль идет выше, чем роли Слуги и Клоуна, она лишена реплик и должна числиться как массовка (поскольку также не обозначена численность). Очевидно, сработало уважение к высокому званию сенаторов.

⁶ Точнее — Слуга Секста.

⁷ Женские роли приведены в конце списка у Хейвуда, хотя две из них имеют огромное значение для действия пьесы, а первая еще и является заглавной.

Акт I, сцена 1

(Входят Тарквиний, Туллия, Секст, Аррунт, Лукреций, Валерий, Попликола и сенаторы.)

Туллия.

Уйдите, я желаю говорить

С одним лишь мужем...

(Все уходят, остается только Тарквиний и Туллия)

Тарквиний.

Что тебе, жена?

Туллия.

Величия хочу тебе и мне

Превыше, чем сейчас.

Тарквиний.

Но я Тарквиний!

Туллия.

Я — Туллия, и что же мне с того?

Что, громче звуки в имени Тарквиний,

Чем в имени слуги? Не могут звать

Как и меня, портниху иль служанку?

Принцесса я по крови и правам,

Но — только Туллия. И не внушает дрожь

Столь бедный титул, звучности в нем нет,

Величия. О боги, я больна!

Тарквиний.

Миледи?

Туллия.

Это так.

Тарквиний.

Но почему?

Туллия.

Желаю титула и от того больна.

Как лихорадка жжет меня желанье,

И будет жечь, пока не обрету

Величье королевы. Я царица

И правила рабов — не для меня!
Покуда правит знатью римской царь,
Тарквиний с Туллией пред ним склонились,
И приближаться к трону мы не смеем
Без низкого поклона. Ненавижу!
Не вытерпеть мне рабства!

Т а р к в и н и й.

Но, жена...

Т у л л и я.

Я не жена Тарквину не-царю!
Мужчиной бы создал меня Юпитер,
Смогла бы воспарить я над Землей,
И в небе воцариться сувереном.
Мужчина — ты. И царский разум мой
Возьми себе — и вознеси с собой.
Моя природа — яростное пламя,
Таким же будь — и станем мы богами!

Т а р к в и н и й.

О Туллия, хоть плоть моя слаба,
Моя душа царит с твоею в небе,
Но наш полет — мечтанья. Твой отец
Лет сорок пять хранит великий Рим.

Т у л л и я.

Нам на руку — все жаждут перемен.
И лучшее со временем наскучит.

Т а р к в и н и й.

Но, Туллия, подумай вот о чем:
Отец тебе наш достославный царь.

Т у л л и я.

Венец ведет сынов к вражде с отцами.

Т а р к в и н и й.

И только смертью Сервия он наш,

Лишь кровь его помажет нас на царство.

Туллия.

Помогут нам и сила, и коварство.
Пусть нас не тронут родича мольбы —
Помажем алой кровью наши лбы!

Тарквиний.

Пусть так! Твое презрение к отцу
Мне непонятно — носит он корону,
Но Сервий враг и мне — стремившись к трону,
Лишил меня моих законных прав
На трон. А был еще в пеленках я.
За это он расплатится. Сейчас
Я созову сенаторов и знать.
Они, хоть это для тебя сюрприз,
Со мной в согласье. Заговор сплетен
И сядет новый царь на римский трон.

Туллия.

Ты мой супруг, как счастлива признать я,
И заключить царя в свои объятия.

Тарквиний.

Сегодня царь в Парламенте созвал
Сенат и знать достойнейшего Рима.
Там он лишится жизни и короны,
И новый царь подпишет там законы.

(Фанфары.)

Возвращаются Секст, Аррунт, Лукреций, Валерий, Коллатин и сенаторы.)

Лукреций.

Тарквиний славный, не желаешь ли
На Капитолий проводить царя.

Туллия. (в сторону) Проводить!

Т а р к в и н и й.

Мы посетить собрались Капитолий.

Ты знал, Лукреций, нашего отца?

Л у к р е ц и й.

Да, знал, милорд.

Т а р к в и н и й.

Не сын ли я ему?

По праву ли царица — моя мать,

Иль кто-то может в этом усомниться?

Л у к р е ц и й.

Что за вопрос, милорд?

Т а р к в и н и й.

Сын пусть наследует отцу. Сейчас

Ты все узнаешь. Час пробил для нас.

(Фанфары. Все уходят, кроме Коллатина и Валерия)

К о л л а т и н.

Поверь, Валерий в странный смысл того,

Что видим мы. Он мог бы породить

Сомнения в рассудительных умах

Достойных наших предков. Что-то злое

Сегодня было рождено на свет.

В а л е р и й.

Без сомнения, Коллатин, без сомнения. Этот мир настолько
легкомыслен, что порой кажется, что он навеселе. Его ноги заплетаются, он
весь покачивается. Все общество как будто трясет лихорадка и ничто его не
способно вылечить, только что-нибудь внезапное и страшное.

К о л л а т и н.

Жена Тарквиния будет царицей. И даже больше — я могу
поставить свою жизнь на то, что она и с ним останется только пока она
сможет рассчитывать на власть.

В а л е р и й.

И она страстно желает возлежать только на царском ложе.
Клянусь богами, сегодня мы увидим жаркую схватку на Капитолии.

К о л л а т и н.

Если возникнет распря между принцами и Сенатом, чью
сторону примет Валерий?

Валерий. О Коллатин! Я честный гражданин и докажу это наилучшим образом — примкнув к тому, кто покажет себя сильнейшим. Если победит Сервий — я буду его верным вассалом, а если он будет побежден — я первый прокричу «Да здравствует Тарквиний!»

Коллатин. Закончим на этом, Валерий. Эти разговоры только мешают нам увидеть все своими глазами. Сейчас принц поднимается на Капитолий. Идем же, мы должны сопровождать его.

Сцена 2.

(Здание Сената.

Входят Тарквиний, Туллия, Секст, Аррунт и Лукреций с одной стороны.

*С другой стороны их насмешиливо встречает Брут,
который выглядит как безумец).*

Тарквиний.

В Парламенте нет места дуракам,
Сей зал построен не для идиотов.
Мудрейших он собрал со всей Земли,
С важнейшим делом мы сюда пришли,
Болвана прочь!

Лукреций. Брут, покинь это место.

Брут. Покинуть это место? Но почему?

Секст. Никто не допускается в это достойное собрание, но только люди мудрые. Следовательно, добрый Брут...

Брут. Но тогда Парламент будет совсем пустым.

Аррунт. Здесь не место дуракам.

Брут. Но что же тогда здесь делаешь ты, или он, или вот этот? О Юпитер! Если бы указ исполнялся строго, мы бы увидели здесь пустые скамьи. Все, кто здесь сидят — идите домой, вам нечего здесь делать! Всеобщее собрание мудрецов! Да его никогда не было со времен

изначального хаоса. Тарквиний, если верховный закон не допускает исключений, у тебя будет совсем пустая консistorия.

Т у л л и я. Брут, ты меня пугаешь.

Б р у т. О римские боги, сколь же я могуществен, если пугаю ту, которая пугает всю империю! Дураки изгоняются, женщины допускаются — смейся, Демокрит! А вы ничего не хотите сказать безумцу?

Т а р к в и н и й. Безумцам здесь не место.

Б р у т. Тогда я уйду с Тарквинием вместе. Разве тот, кто может жить в спокойной долине, но предпочтет забраться на опасную гору — не безумец? Кто может вести жизнь размеренную и полную удовольствий, но ищет всех хлопот и опасностей царства — не безумец? Кто на людях ищет обновления для всей страны, а дома подчинен собственной жене — не дурак или безумец? Дай мне руку, Тарквиний. Разве мы оба не должны покинуть Капитолий?

Т а р к в и н и й. Утихомирьте, кто-нибудь, безумца.

Т у л л и я. Уведите придурка прочь.

А р р у н т. Давай же, Брут.

С е к с т. Добрый Брут.

Б р у т. Нет уж, любезный, добрый Тарквиний. Выслушай сперва несколько холодных слов, а затем я уйду. Я взываю к привилегиям рискской знати, ведь по этому праву есть у меня место на Капитолии. Я благороден по рождению и свободен входить сюда как и ты, Гораций, или ты, Лукреций, ты, Секст, или ты, Аррунт, или кто-либо другой здесь. Да, я благороден, но сейчас вы изгоняете всех благородных дураков отсюда. А вас здесь слишком мало, чтобы сопровождать царя, джентльмены. И уберите руки — вы убедили. Хоть сам я и не составлю вам компанию — оставляю с вами мое место.

(в сторону)

Брут не дурак, лишь кажется таким.

И вам не покорится вечный Рим.

Прозябло государство от речей,
От взяток началась водянка. Надо
Мечом пролить из вен дурную кровь,
Чтоб исцелиться. Все же, я пойду.
Я, дурень, ухожу. Пусть будет так.
Остался величайший здесь дурак.

(Уходит.)

Лу к р е ц и й.

Как жаль, столь благородный человек
Лишен всего, чем был он одарен.
Сколь благородная душа в потемках...

Та р к в и н и й.

Не будем медлить из-за пустяков
Оставим их для дела государства,
Садитесь, лорды.

Лу к р е ц и й.

Нет, Тарквиний, мы
Должны стоять и ждать, покуда царь
На трон воссядет.

Ту л л и я.

Он уже пришел.

Лу к р е ц и й.

Наш царь?

Та р к в и н и й.

Ваш царь.

Ко л л а т и н.

Сервий?

Та р к в и н и й.

Нет, Тарквиний.

Лу к р е ц и й.

Но царь наш — Сервий

Та р к в и н и й.

Волей божества

Тот трон, что незаконно отнят был
Сегодня возвращаю я себе.
По праву мой, он долго ждал меня,
Пусть все друзья и верные кричат:
Будь здрав Тарквиний, ты наш суверен!

В с е.   Будь здоров Тарквиний, ты наш суверен!

(Фанфары. Входит Валерий.)

В а л е р и й.

Царь Сервий и все верные ему,
Знатнейшие, лишь только услышав,
Что здесь случилось, облачились к бою
Уже идут они на Капитолий.

Т а р к в и н и й.

Салютом не встречать! Кто встать дерзнет,
Тот нашу милость больше не вернет.
(Входят Сервий, Гораций, Сцевола и солдаты.)

С е р в и й.   Изменник!

Т а р к в и н и й.   Узурпатор!

С е р в и й.   Прочь сойди!

Т у л л и я.   Сиди на месте.

С е р в и й.   Именем Сервия, великого и суверенного монарха Рима,
Велю тебе, Тарквиний, трон оставить,
И к нашим пасть ногам, прося пощады.

Г о р а ц и й.   Он говорит как царь.

Т а р к в и н и й.   Именем Тарквиния, нового великого монарха Рима
Тебя мы призываем добровольно
Венец сложить, похищенный тобой.

Т у л л и я.   Империи слова достойны.

Г о р а ц и й.   Сколько можно это выносить, мой государь?! Убрать
изменника прочь!

Т у л л и я.   Дотронься до того, кто смел.

Г о р а ц и й.   Смел?

Т у л л и я.   Да, смел!

С е р в и й.   Бесстыдная, ты мне не дочь!

Т у л л и я.   Безумец старый, ты мне не отец!

Сервий. На колени перед царем!

Тарквиний. Подчиняйтесь вашей царице.

Сервий.

Ужасная измена. Яркой сталью
Расчистите от тех, кто преградил
Нам к трону путь.

Гораций. Гораций Коклес здесь!

Секст. Мы защитим Тарквиния-царя.

Сцевола. Сервий!

Аррунт. Тарквиний!

(сражаются. Сервий убит.)

Тарквиний.

Теперь я точно царь. И наша власть
Найдет основу здесь, в кровавом теле,
Убитого царя. Его паденьем
Мы обретаем царство. Мы довольны.

Туллия.

Отцова смерть мне даст вторую жизнь,
Намного лучше первой. От рожденья
Ничтожная, теперь вдыхаю власть
И царственную жизнь я начинаю!

Лукреций.

И у меня есть дочь. Ее характер,
Надеюсь, поспокойней. Будь она
Такой гордячкой — этими руками
Отправил бы ее к богам подземным,
Никто не мог бы ей тогда помочь.
Но здесь моя царица, а не дочь.

Туллия.

Сорвите же корону прочь с кровавой

Главы отца — не надо медлить, лорды!

Здесь возле чуть кровоточащих ран

Мы принимаем власть

Т а р к в и н и й.

В одно мгновенье

И наш восход, и Сервия паденье.

Т у л л и я.

По воле неба царство обретаем,

Пусть музыка величественным тоном

Восславит нас — мы обрели корону.

(Фанфары. Валерий выводит Горация и Сцевола)

Т а р к в и н и й.

Кого, Валерий, ты представил нам?

В а л е р и й.

Двух храбрых римлян. Вот — Гораций Коклес,

А это — Муций Сцевола. Они

Пока царь Сервий нашим был царем

Поддерживали власть его и царство.

Но умер он, и ныне Рима знать

Приветствует Тарквиния-царя,

И эти двое вас пришли восславить

Г о р а ц и й.

Рукою этой, верной трону Рима,

Которой страх и боль сломить не могут,

Кладу свой меч к Тарквиния ногам,

А с ним я предлагаю свою верность,

Я Сервия любил, но умер он.

Тарквиний в моем сердце вознесен.

С ц е в о л а.

Пока хранит он город и закон,

Ему верны бесстрашные сердца,

И мы храним обет до самой смерти.
Фортуне мил Тарквиний и верны мы,
Ведь мы вассалы доблестного Рима.

Т а р к в и н и й.

Как пуст без вас был наших верных круг!
Теперь мы рады видеть, что он полон.
Примите милость нашу и любовь,
И возвеличьте славой наше царство
До высшей точки. Место в нашей свите
По доблести и по любви займите.

Г о р а ц и й.

Мы защитим Тарквиния и трон,

С ц е в о л а.

Пока хранит он город и закон.

Т а р к в и н и й.

Тогда вы наши. Проводите нас
По многолюдным улицам столицы
В дворец царя — теперь наш новый дом.
Вы верность предложили — мы возьмем.

(Музыка.

*Когда они идут, Туллия наступает на
мертвое тело Сервия и останавливается.)*

Т у л л и я.

На что мы наступили?

Л у к р е ц и й.

Это тело

Того, кто вашим был отцом, царица.

Теперь в крови его ваш сапожок.

Т у л л и я.

Неважно. Пусть валяется хоть здесь,
Хоть во дворе. И пусть увидят все
Ничтожество упавшего колосса

И пусть раздавят труп его колеса —
Не будет преступленьем для царицы
В крови отцовой ехать в колеснице.

Лу к р е ц и й.

Вот преданная дочь.

Т а р к в и н и й.

Повелеваем

Убрать и подготовить погребальный
Костер. И должный будет ритуал
Оплакивания и погребенья.

Ты ненавидишь, Туллия, его,
Поскольку любишь нас. И ты верна,
Но не отцу, а мужу — как жена.

Так в путь друзья, скорее во дворец —
Царь мертв и новый царь надел венец.

(Все уходят.)

Сцена 3.

Б р у т.

Убить царя! Ужасная измена.
Гиганты, что восстали на богов,
Которых мощь Юпитера сразила
И погребла под черными горами,
Не больше преступили, чем Тарквиний,
Затеявший убийство. Но царица!
Позор! И разве дочь-отцеубийца
Не худшая из ран ее отца?
А после эта ведьма колесницу
Вела на окровавленное тело
Колесами крушить отцовы кости
И череп расколоть, чтоб брызнул мозг

На мрамор улиц, под ноги народу.
Смутившись, Солнце стало цвета крови,
Она же не краснела от стыда.
Юпитер, где закон? Награда честным
И мечь убийцам где? И воздаянье
Преступникам? Простишь ли ты измену?
Помилуешь ли ты отцеубийц?
По праву коль царишь на вечном троне,
Ты, громовержец, молнией срази
Чету монархов наших нечестивых!
Не в силах я смотреть, великий бог,
Как честь скорбит и празднует порок.

(Входят Секст и Аррунт.)

- А р р у н т. Тише, здесь Брут. Давай-ка познакомим его с новостями.
- С е к с т. Согласен. Итак, кузен Брут...
- Б р у т. Ух ты, а ведь я твой родственник. Тогда я одной крови и с Тарквинием, чуть ли тоже не кузен, да, добрый принц?
- А р р у н т. Так что, Брут, присоединишься к нашему союзу?
- Б р у т. Нет, я был кузеном Тарквинию, когда он бы простым подданным, я не осмелюсь заявить о родстве с сувереном. Брут не настолько безумен. Может, я немного не в себе, но мне хватает разума сохранить голову на плечах.
- А р р у н т. Зачем же вы, милорд теряете время попусту? Или объявите открытую войну, или пользуйтесь выгодой родственных связей. Ведь к первому вас зовут ваши чувства, а ко второму — ваш кошелек.
- Б р у т. Потому что я хочу жить. Разве я не ответил? Дураки и безумцы не преграда на пути узурпаторов. Небесный свод может выдержать только одно Солнце, и я предпочитаю не сиять. Я лучше буду жить черным, чем окажусь достаточно белым, чтобы стать мишенью. И, в конце концов, я буду жить. Был бы Сервий кустарником — ветер не свалил бы его. Был бы он

безумцем — он бы не погиб. Мне нужно не больше рассудка или сил, чем требуется для того, чтобы удерживать тело и душу вместе. И я буду жить.

А р р у н т. Ты все шутишь, кузен Брут. Но к делу. Царю приснился странный, зловещий сон, и чтобы прояснить его смысл, мой брат Секст и я должны отправиться к Оракулу.

С е к с т. И поскольку нам нужна достойная компания, мы получили царское разрешение взять тебя с собой, чтобы наш путь был веселее.

Б р у т. Итак, вы берете меня с собой, чтобы я был вашим шутком и развлекал вас.

С е к с т. Нет, не шутком...

Б р у т. ...но развлекал вас. Хорошо. Я развеселю вас или буду щекотать, пока вы не засмеетесь. Оракул! Я пойду к нему, чтобы решить некоторые личные сомнения. Принцы, ваше расположение и ваше общество столь вдохновляющие, что вы просто не сможете от меня отделаться. За сколько мы должны проделать путь?

С е к с т. Пять дней и не больше.

Б р у т. Мне нужно собраться в дорогу. И еще одно: идет ли Коллатин.

С е к с т. Коллатина мучает обычный недуг всех недавно женившихся — он болен женой. Поистине, его полностью извиняет то, что и Лукреция не хочет его отпускать. Но у тебя нет ни жены, ни рассудка, способных удержать тебя здесь, и я уверен, ты нас не разочаруешь.

Б р у т. Даже будь у меня и то, и другое, вы для меня были бы важнее.

А р р у н т. Мы будем ждать тебя.

Б р у т. Гораций Коклес и Муций Сцевола не участвуют в посольстве?

А р р у н т. Нет, они останутся с царем. Прощай.

Б р у т. Лукреций тоже остается дома, и Валерий?

С е к с т. Дворец не может отпустить их.

Б р у т.   Никто, только мы втроем?
С е к с т.   Да, мы втроем.
Б р у т.   Мы втроем. И на пять дней.
С е к с т.   У тебя есть время, прощай.

(Уходят Секст и Аррунт.)

Б р у т.

О чем мечтаю я — не описать
За столь короткий срок. Но я и Рим
Несчастливы оба. Почему, Меркурий,
Так долго власть не явят Небеса?
Плод гнева моего пока неспел,
Хоть быстро зреет он, но не набрал
Еще весь вес. Юпитер с мстостью ждет,
Чтоб сделать воздаяние ужасней.
Не унывай, Брут. Ты и город твой
Вернут себе величье и почет.
Как фрукт созреет — сразу упадет.
Но поспешим к Оракулу.

(Уходит.)

Конец первого акта.